

Шведская сказка

" Как звонарь жадного пастора проучил "

Жил в одном приходе пастор. Жадный он был до того, что все только диву давались. Никогда, бывало, ни одного нищего не накормит, ни одному бездомному страннику приюта на ночь в своем доме не даст.

Но уж зато в проповедях он куда как красно говорил, и кулаком по кафедре стучал, и на всю церковь гремел, что, дескать, жадные люди богу неугодны и что надо с бедняками последним куском делиться.

А на деле – то все у него наоборот выходило. И от жадности своей он вот какую штуку придумал. В Рождество, когда много нищих странников приюта просило, переодевался он в лохмотья и садился у себя дома на кухне. Постучится кто –нибудь к пастору в дом, попросит ночлега, а пасторша ему на переодетого мужа показывает и говорит:

– Рада бы я тебя приютить, да у нас уж вон один нищий сидит. Ты лучше к звонарю ступай, его дом неподалеку от нашего стоит.

Так и спроваживала она всех нищих к звонарю. А звонарь, понятное дело, не больно – то этому радовался. Но был он человек хитрый и на всякие проделки горазд.

И решил он прижимистого пастора проучить.

Вот раз в ночь под Рождество переоделся звонарь нищим, пришел в пасторскую усадьбу и попросил приюта на ночь. Пасторша старую песню затянула:

– Рада бы я тебя, добрый человек, приютить, да видишь – вон у очага другой нищий сидит. Ты ступай – ка лучше к звонарю, его дом неподалеку от нашего стоит.

А звонарь ей отвечает:

– Я там был. Только в доме у звонаря уж и без меня нищих полно, так что и ступить негде. Не выгонит же меня пасторша на ночь глядя, чтобы я замерз где –нибудь под забором?

– Упаси бог! – испугалась пасторша.

– То – то и оно! – говорит звонарь. – Уж коли у вас в доме для одного нищего место нашлось, то и для меня сыщется – Не на пасторской же постели он ночевать будет! Верно, брат?

Подошел он к пастору, да так его по плечу хлопнул, что едва – едва носом в очаг не свалился.

Накормила пасторша нищих ужином и отвела в старую пивоварню ночевать. Велела она пастору на деревянный диван лечь, а звонарю – на крышку от дивана. Только звонарь не будь дурак, взял да и растянулся на диване.

Пришлось пастору на твердую крышку лечь.

Спустя какое – то время вышел звонарь потихоньку из пивоварни, а потом вернулся и будит пастора:

– Слышь, друг! Здорово я сейчас этому сквалыге – пастору насолил! Я на чердаке стаббюра дырку просверлил, и все зерно, что пастор у крестьян для церковной десятины забрал, на дрова просыпалось.

– Ой, ой, ой! – завопил пастор.

– Что с тобой? – удивляется звонарь.

– Живот схватило! – закричал пастор.

И опрометью из пивоварни на двор кинулся. Прибежал он в стаббюр и давай дырку на чердаке заделывать да зерно меж поленьев собирать. Полночи трудился, совсем из сил выбился, а все равно всего зерна не собрал.

А звонарь меж тем надел одежду пастора и пошел в пасторскую опочивальню. А пасторша думала, что это муж ее воротился.

– Ну, что этот чертов нищий? Угомонился? – спрашивает пасторша.

– Спит, проклятый! – отвечает звонарь. – А у меня от этой деревянной крышки все кости ломит. Вот я и решил на своей постели понежиться.

Растянулся он на мягкой пасторской постели и заснул сладким сном. А в полночь пробудился и пошел обратно в пивоварню. Улегся он на диван и видит – входит со двора пастор еле живой от усталости, пот с него градом ль. Только пастор на крышку дивана лег, звонарь опять по хоньку за дверь вышел. Потом воротился и будит пастора:

– Слышь, братец, проснись! Я этому сквалыге – пастору; еще пуще насолил. Открыл ворота на скотном дворе да всю его скотину выгнал.

– Ой, ой, ой! – завопил пастор.

– Ты чего это? – удивился звонарь.

– Живот схватило! – закричал пастор и стрелой из пивоварни выскочил. Прибежал пастор на скотный двор, а стадо уж все разбрелось.

И пришлось ему среди ночи по лесам да по пригоркам бегать и коров своих скликать. В темно – те – то не видать ничего. Бегают пастор, спотыкается, падает.

Не одну шишку набил он, пока стадо собрал. А звонарь меж: тем надел одежду пастора, пришел в опочивальню, растянулся на мягкой пасторской постели и заснул сладким сном. Под утро пробудился он и пошел в пивоварню поглядеть, что там пастор подделывает. А пастор едва дышит. Лежит на крышке дивана, охает и стонет тяжело.

– Долго же ты ходил, – говорит ему звонарь. – А я тем временем опять с этим сквалыгой – пастором шутку сыграл!

– Что еще ты натворил? – спрашивает пастор, а сам чуть не плачет.

– Я в погреб сбегал и в самую большую бочку с пивом навоз насыпал. Пастор, видать, собирался звонарю на Рождество пива послать.

– Ой, ой, ой! – завопил пастор.

– Ты это что? – удивился звонарь.

– Живот схватило, мочи нет! – кричит пастор.

– Ты, бедняга, видать, намаялся, на этой крышке. Ложись – ка на диван, а я пойду восвоюси. На дворе уж светает, а от этого сквалыги – пастора завтрака не жди!

Ушел звонарь, и у пастора точно гора с плеч свалилась. Вскочил он с дивана и пошел в свою опочивальню.

– Это ты опять? – спрашивает его пасторша.

– Почему "опять"? – удивился пастор.

– Так ведь уж ты два раза приходил.

Пастор от удивления даже рот разинул:

– Два раза? Да в своем ли ты уме, матушка? Тебе, видно, это во сне привиделось!

– Я, когда не сплю, снов не вижу! – рассердилась пасторша. – А ты всю ночь тут взад – вперед ходил, спать мне не давал.

Улегся пастор на постель, а потом вскочил и пасторшу будит:

– Проснись, матушка!

– Чего тебе, отец?

– Пошли завтра звонарю самую большую бочку пива.

– А не много ли ему будет?

– Нет, не много. Нищий туда навоз насыпал.

На другое утро послала пасторша звонарю всю бочку пива. А звонарь пил да нахваливал его. Он – то знал, что никакого навоза там и в помине нет.

Вот так и проучил звонарь жадного пастора.